

МОРУС (РИЧАРД ЛЕВИНСОН)

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ
СЕКСУАЛЬНОСТИ

Ричард Левинсон

Всемирная история сексуальности

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50217444

Всемирная история сексуальности:

ISBN 978-5-631-00007-0

Аннотация

Перед вами книга, которая демонстрирует бесконечное, удивительное разнообразие в том, что, как говорят, является самой постоянной деятельностью человека. Эта книга прослеживает секс не только как таковой, но и во всех областях, граничащих с ним: в искусстве, социальной структуре, праве, медицине, суевериях и обычаях, даже в исторических изменениях. С незапамятных времен, что человек только не делал и не думал, в тот или иной момент, когда предавался сексу? В Вавилоне он предлагал своих женщин богам в качестве храмовых проституток. Инцестуозный брак был обязательным для фараонов Египта. Человек уважал и аскетизм, и самые крайние формы сексуального любопытства, и оба эти элемента были включены в его религии. Он и наказывал за нарушение брачных обетов смертью и даже прошел через периоды, когда считалось смешным, если не фактически безрассудным, любить только своего супруга. Точка зрения Левинсона –

точка зрения заинтересованного зрителя. Секс не должен быть скучным, чтобы быть респектабельным, и этот отчет – полный, задокументированный, исторический и зрелищный – написан с воодушевлением, остроумием и терпимостью. Ничто человеческое не чуждо автору – и кажется, что ничто осуществимое не чуждо человеческому роду.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	34
Глава 3	71
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Ричард Левинсон

Всемирная история

сексуальности

© Л.И.Моргун. Перевод. 2020

Глава 1

Вначале была женщина

Половой инстинкт – является одним из самых сильных животных инстинктов у человека. Если мы изберём эти слова для того, чтобы открыть то, что в первую очередь является изучением культурных и социальных аспектов половой жизни человека на протяжении всей истории, мы не намерены заранее обозначать половую жизнь человека как нечто унижающее достоинство и «животное». Это предложение просто выражает тот факт, что животные перенесли формы и привычки своей половой жизни на относительно продвинутую стадию эволюции, к которой люди мало что добавили.

Простое и знакомое сравнение прояснит наше значение. Единственный естественный инстинкт, сопоставимый по интенсивности с сексуальным, – это чувство голода. Теперь человек, действительно, менее разборчив, чем многие животные; он в определенных пределах всеяден, как собака и свиньи. Тем не менее, есть одно четко выраженное различие: ни одно животное не вышло за пределы самого грубого способа приготовления пищи: разорвать ее и, возможно, ещё больше смягчить. С другой стороны, человек, даже самый примитивный, готовит себе еду на огне – ориентир, едва ли не менее важный, чем артикулированная речь.

В области секса нет такой важной разницы, как эта. Половая жизнь животных ни в коем случае не «дикая»; во многих отношениях у животных секс более упорядочен, чем у людей, и полностью соответствует их моральным стандартам. Многие животные моногамны и образуют семейные ячейки-союзы из супругов, детей и родителей. Конечно, в животном мире есть небрежные матери, и есть ещё более необязательные отцы; но, вообще говоря, забота о потомстве у животных очень развита — часто настолько заметна, что сводит видимую роль полового инстинкта к роли предварительного размножения и сохранения вида.

Самец в сексуальных отношениях обычно более агрессивен, чем самка, но изнасилование, насилие, спаривание против воли партнера женского пола является физиологической невозможностью: только один вид пауков разделяет с человечеством эту сомнительную привилегию¹, к которой законодатели и суды так болезненно относились на протяжении всей человеческой истории. Именно по этой причине спариванию в животном мире обычно предшествует любовная игра, танцы, ухаживание или флирт, в ходе которого животные демонстрируют самые яркие и привлекательные цвета, которыми их наделила природа. Теперь мы знаем, что в случае многих птиц эта любовная игра следует точному ри-

¹ N. I. Berrill, *Vie sexuelle des animaux et des plantes*. French translation of *Sex and the Nature of Things* (Paris 1954), p. 254.

туалу.²

Ухаживание часто сопровождается сценами ревности. Заоеванию самки предшествуют поединки с соперниками или, по крайней мере, угрожающие сцены. В эту область человек также привнёс мало нового. Точно так же сексуальные аномалии, соответствующие почти всем формам человеческого извращения, происходят в животном мире. Короче говоря, в половой жизни *homo sapiens* нет ничего особенного. Если это правда, что он, из всех живых существ, является последним «венцом творения» на земном шаре, то мы должны признать, что Природа оставила для него почти всё то же, чем она наделила другие виды. Лишь в одном отношении «образчик животных» выделяется: он объединяет в себе множество атрибутов, иначе свойственных одному виду животных.

Ева восходит из Земли

Сколько из этого разнообразия было даровано человеку в его колыбели? Какие из его хороших и плохих качеств были его изначально, а какие он развивал и приобретал позже? На этот вопрос трудно ответить, потому что мы действительно ничего не знаем о сексуальной жизни человека на первых

² N. Tinbergen, *The Origin and Evolution of Courtship and Threat Display in Evolution as a Process*, edited by Julian Huxley, A. C. Hardy and E. B. Ford (London 1954), pp. 235ff.

этапах его эволюции. Даже часто очень трудно сказать, когда какой-либо фрагмент скелета обнаруживается в Европе, Африке, на Яве или в Китае, будь то мужчина или женщина.

Первая доисторическая «женщина», которая восстала из земли, знаменитая Красная Леди Павиланда – скелет, выманный красной охрой, который был найден в Уэльсе в 1823 году – позже оказалась мужчиной; в любом случае, «Красная Леди» больше не считается слишком уж старой.

Итак мужчины и женщины жили вместе в доисторические времена – будь парами или в больших группах, в неограниченной сексуальной распушенности или в соответствии с какими-либо нормами права, была ли женщина высоко или низко оценена в тогдашней общественной иерархии – ответы на все эти вопросы, насколько они относятся к гоминидам, возможно, полмиллиона лет назад, и должны оставаться предметом гипотез или, скорее, чисто догадок.

Если кто-то хочет иметь твердую почву под ногами, небезопасно возвращаться назад дальше, чем на 20 000 лет или около того. Наши первые определенные знания о половой жизни человека получены не из костей, а из представлений о человеческой форме, обычно о женщинах. Наши знания об этом сравнительно недавние. Только к концу XIX века на юге Франции были обнаружены определенные статуэтки, очевидно предназначенные для изображения людей. Художественно и технически они были гораздо грубее, чем изображения животных, которые уже были обнаружены в пеще-

рах на юге Франции и на севере Испании; но они, несомненно, должны были представлять фигуры людей и обычно женщин.

Венера из Брассемпуи

Статуэтки в основном имеют размер и объем руки, хотя многие даже меньше. В этом узком пространстве доисторические скульпторы создавали целые женские тела; женщин с большими, висячими грудями, непропорционально широко-

ми бедрами, выпуклыми животами и ярко выраженными половыми органами, таким образом, предавая явное удовольствие подчеркивать сексуальные мотивы. Лицо едва обозначено, за исключением одного случая, изящной головы девушки из слоновой кости, которая была обнаружена на самом первом месте, «Гроте папы» в Брасемпюу, недалеко от Байонны.³ Особая роскошь нижних частей тела была ещё более заметна во второй важной находке, сделанной в Гротах Гримальди около Ментона, и, следовательно, анатомы сначала предположили, что женщины этого возраста страдали от стеатопигии или чрезмерной жирности ягодиц.

Французские ученые в иронической манере дали этим статуэткам родовое название «Венера» после Венера Милосской, хотя не было найдено ни малейшего доказательства того, что они представляли собой богинь любви или богинь плодородия. Но вскоре это имя завоевало популярность и стало регулярно использоваться археологами к лету 1908 года, когда была сделана самая впечатляющая из всех подобных находок.

В небольшом местечке под названием Виллендорф, на берегу Дуная, примерно в тридцати милях вверх по течению от Вены, рабочий, занятый на строительстве железной дороги, обнаружил маленькую фигуру из красноватого камня. Он думал, что это просто уродец природы, случайное образова-

³ E. Piette, 'La station de Brassempouy et les statuettes humaines de la période glyptique', *L'Anthropologie*, VI (1895).

ние, которое выглядело как человек, и собирался отбросить его в сторону; но, к счастью, три археолога, оказавшиеся на месте происшествия, спасли его. Несмотря на то, что фигура лежала только на поверхности или около того под землей, образование скал и останков доисторических животных, обнаруженных в одном и том же слое, убедительно показало, что это была часть палеолитической скульптуры, датируемая тем же самым возрастом, что и находки во Франции или, возможно, по мнению некоторых экспертов, ещё раньше. Во многих специализированных работах и даже в ещё большем количестве путеводителей «Венера из Виллендорфа» по-прежнему фигурирует как самое старое из существующих изображений человека. Сегодня любопытным приходится довольствоваться видом гипсового слепка этой первобытной Евы, потому что оригинал заперт, в безопасности от света и перепадов климата, в Музее естественной истории в Вене.

Венера Виллендорфская

Этот самый старей (на сегодняшний день) из всех женских портретов – фигура из пористого песчаника, высотой в одиннадцать сантиметров. Он был вымазан красной охрой, следы которой всё ещё видны, но в остальном он такой же, каким его изваял его автор около 20 000 лет назад камен-

ным скребком и долотом. Как и французские статуэтки, австрийская Ева голая; она ничего не скрывает. Невозможно улучшить описание, данное в его первом докладе одним из его первооткрывателей: «Она представляет собой толстую, раздутую женщину с большими молочными железами, заметным животом и полными ногами и бедрами, но на самом деле не стеатопиготными. Она увеличенного размера по сравнению с Венерой Брасемпуй. Как и на этом рисунке, четко обозначены малые половые губы. Презумпция стеатопигии, которую привели эксперты к тяжелым бедрам французской фигуры (которая очень сильно повреждена), не является подтвержденной. Волосы обозначены выпуклой спиральной полосой, проходящей вокруг черепа; скульптор совсем не беспокоился о лице; особенности – глаза, нос, рот, подбородок, уши – обозначены не так сильно, как указано. Руки непропорционально малы, а предплечья и кисти выражены только неглубокими полосками рельефа над грудью. Колени очень высоко развиты; голени схожи с телячьими, но сильно ракурсированы, стопы вообще опущены. Вся фигура показывает, что художник обладал превосходным художественным владением человеческой формы, но что он сознательно переоценил те части, которые касаются репродуктивной функции, и смежные части, при этом недооценивая остальное с помощью техники, всё ещё используемой сегодняшними карикатуристами.⁴ Неудивительно, что, хотя они

⁴ J. Szombathy, 'Die Aurignacschichten im Loss von Willendorf'. *Korrespondenzblatt*

назвали ее Венерой, мужчины с ужасом смотрели на эту прародительницу. До этой даты люди представляли себе доисторическую Еву, как очаровательную красавицу. Каждый век изображал ее по своему вкусу. В канун раннего Средневековья, на который по-прежнему влиял римский идеал красоты, этот идеал был довольно широким и тяжелым. В готический период она была чрезмерно стройной, с соблазнительными глазами и театральными позами. В эпоху Возрождения она была женщиной великодушной, с высокой грудью и симметричными пропорциями, почти всегда слишком благородной, чтобы выполнять свою миссию. Но никогда не было никакой формы искусства, реалистичной или стилизованной, создавшей такую чудовищную женщину, как Венера Виллендорфская. Независимо от того, была ли она создана для отправления религиозного культа или нет, она была работой художника, способного наблюдать, хотя он занимался не столько портретом, сколько типом женщины. Если этот тип имел даже самое отдаленное сходство с идеалом красоты своих современников, половая жизнь в эпоху палеолита, должно быть, была довольно неэротичной, поскольку эта Венера была не более чем кусочком жира и, безусловно, далеко не привлекательна для любого мужчины; не символ плодородия, но матрона, деформированная деторождением. Эта подлинная доисторическая реликвия была сексуально отталкивающей,

даже по сравнению с репеллентными реконструкциями антропологов неандертальской женщины или другими воображаемыми «недостающими звеньями».

Однако при ближайшем рассмотрении даже это представление предполагает, что палеолитический мужчина не рассматривал женщину как чисто детородную машину; что даже эта женщина пыталась сделать себя привлекательной. Она носит браслеты на обеих руках, и некоторые следы на голове, кажется, означают какое-то украшение – возможно, некоторые археологи думают, что её капюшон был отделан мидиями, как это было найдено на похожих изображениях из Восточной Европы. Также вероятно, что Венера из Виллендорфа представляла собой исключительно непритязательный местный тип – и не обязательно австрийский. Вполне возможно, что эта упитанная дунайская Венера была импортирована с Востока. Некоторые из представлений о женской форме, которые были найдены с тех пор в других частях Европы, гораздо более привлекательны, и это, вероятно, связано не только с художником, но и с женщинами, которые служили ему в качестве моделей, и прежде всего с мужским вкусом, который тучности предпочитает пропорции и изящество. Две французенки, исследующие Рок-о-Сюрсьер в Эгль-сюр-л'Англин, во французском департаменте Вьенны, недавно обнаружили барельеф трех женщин, классические линии которых не будут неуместны на картине Ренуара или статуе Майоля.

Культ женщины

Только одна особенность является общей для почти всех палеолитических представлений: все сексуальные характеристики женщины – не только второстепенные черты, такие как грудь, широкие бедра и изогнутый таз, но также первичные органы изображены на многих скульптурах и барельефах, и с полной анатомической верностью, хотя иногда и более четко, чем в природе. В любом случае, Гора Венеры подчеркнута. В стилизованных изображениях – и некоторых из палеолитических женских изображений, таких как Венера Леспугская, очень стилизованы – это становится треугольником, образованным складкой живота и контурами бедер. Именно этот треугольник, а не длинная трапеция, которую сегодняшние подростки рисуют на стенах, является популярной женской половой характеристикой, кунном, мужчины каменного века.

Одной из причин удовольствия, которое мужчины явно находят на этих сексуальных фотографиях, может быть отсутствие возможности увидеть эти органы в реальной жизни. Среди мужчин и женщин Ориньякского периода⁵, в котором было создано большинство этих работ, не было ну-

⁵ Ориньякская культура – археологическая культура раннего этапа позднего палеолита. Названа по раскопкам в пещере Ориньяк (Aurignac) в департаменте Верхняя Гаронна (Франция). Впервые выделена в начале XX в.

дистов. Холодные ветры, если не ханжество, заставляли их одеваться. Неблагоприятный климат позволял им покидать свои извилистые пещеры только в течение нескольких месяцев в году, когда они отправлялись на охоту; женщины, скорее всего, ещё реже проявляли себя вне их границ. Поэтому зрелище обнаженной женщины было для мужчины необычным опытом.

Из того факта, что мужчины интересовались сексуальными особенностями женщин, не следует, что тогдашняя половая жизнь была грубой и распущенной.

Эротическая сцена.

Гравировка на кости из пещеры Истуриц,

Ю. Франция. Палеолит.

Самое старое известное изображение любовной сцены – рельеф в пещере Лауссела (раньше ошибочно считалось изображением рождения) показывает мужчину и женщину, спаривающихся в дружеских отношениях. Более поздняя картина, нацарапанная на кости, обнаруженная в гроте Истуриц на крайнем юго-западе Франции, показывает эротическую карикатуру, которая также указывает на то, что любовная жизнь в каменном веке была вполне респектабельной. На нем изображен мужчина с поднятыми руками с просящими и тоскующими глазами, смотрящими на обнаженную женщину, которая вовсе не является образцом красоты. Чтобы это значение было совершенно ясным, на бедре женщины выгравирована стрела. Здесь нет насилия, нет распущенности – скорее, это комично преувеличенное обожание женской формы, которая, действительно, представлена в гораздо более здоровом отображении, чем у ее обожателя, лицо которого демонстрирует изобилие глупости, тревоги и желания. Короче говоря, мужчина «снят». Это прототип эротического мультфильма: женщина – победительница, мужчина – вечный дурак.

Эти графические сообщения о сексуальной жизни в каменном веке, несомненно, односторонние; их авторы, понят-

но, мужчины. Если бы женщины передали нам свой опыт и свои взгляды на свою половую жизнь, картина могла бы выглядеть совсем иначе. Эта односторонняя природа источников, несомненно, является недостатком, который проявляется не только в доисторические, но и в самые современные времена. История половой жизни, которая, насколько это возможно, основана на современных документах, неизбежно представляет собой историю женщин, видимую глазами мужчин. Мужчины идеализируют женщину и искажают ее; они всегда склонны представлять себя как более слабого партнера в сексуальных отношениях именно потому, что они более желающие; они ищут и требуют, в то время как женщина соглашается и позволяет. Они фиксируют героические поступки, совершенные ими самими для женщины и для общества, но гораздо реже они устанавливают круг работ, которые на всех этапах цивилизации женщины выполняли для мужчин. Это придает даже самым ранним художественным проявлениям человечества аспект женского культа.

Однако, вероятно, было бы весьма ошибочно приписывать слову «культ» какое-либо религиозное значение. Реакция против материалистических воззрений XIX века привела к попытке во главе с Рейнахом⁶ и Фрейзером⁷ вкладывать все ранние представления, в которые вступал пол, с магически-религиозным значением. Даже такие однозначные зна-

⁶ Salomon Reinach, 'L'art et la magie', *L'Anthropologie* (1903).

⁷ J. G. Frazer, *The Golden Bough* (London 1923–1927).

ки, как треугольник куннуса или стрелка на любовной сцене в Истурице, интерпретировались как магические символы. Любое женское изображение, которое висело на шее, должно было быть амулетом. Статуэтки полных Венер должны были быть религиозными культовыми символами плодородия,⁸ или, возможно, богинями семейной жизни, просто потому, что некоторые статуэтки такого типа были обнаружены перед очагами на юге России.

Но поразительной особенностью палеолитических изображений женщин является именно их полная концентрация на половом аспекте, в отличие от репродуктивного. Многие женщины действительно выглядят так, как будто они были беременны, но ни одно изображение матери и ребенка, ни «Мадонны», не сохранилось с этой эпохи. Художники каменного века не интересовались идеей размножения, что вполне естественно, поскольку люди этого возраста были охотниками, а охотники обычно не придают большого значения многодетным семьям. Охотничьи угодья были, правда, богаты в поздний ориньякский период; когда изобиловали большие стада диких лошадей, и конина, вероятно, составляла основную часть рациона мужчин⁹. Тем не менее, ни одно из многочисленных графических изображений этого пе-

⁸ C. F. C. Hawkes, *The Prehistoric Foundation of Europe to the Mycenaean Age* (London 1940), p. 39.

⁹ George Goury, *Origine et Evolution de l'Homme*, Vol. I, *Époque Paleolithique* (2nd ed., Paris 1948), p. 277.

риода не демонстрирует особого интереса к детям.

Следующий век, магдалианский, был ознаменован про- блеском культуры. Это эпоха великих наскальных рисунков. Материально, однако, это было трудное время для челове- чества. Климат стал холоднее, растительность была скуднее, охота на крупную дичь – менее полезна. Люди теснились в своих пещерах и землянках ближе, чем когда-либо, и реже выходили на открытый воздух. Однако нечего предполагать, что в отношениях между мужчиной и женщиной произошли какие-либо решительные изменения; социальное положение женщин также, похоже, заметно не изменилось. После того, как мужчина изобрёл копье и (несколько тысяч лет спустя) лук и стрелу и, таким образом, смог охотиться на крупную дичь, экономическая роль женщины стала вторичной. Она отвечала за овощную диету, которая всё ещё была необходи- ма для дополнения мяса, которое мужчина приносил домой. Эти обязанности, особенно связанные с воспитанием семьи, были такими же трудными, как и охота, и не без опасности со стороны лесных зверей, но им не хватало героики и драма- тических действий. Художники эпохи Магдалины, которые нарисовали так много детально отображённых сцен охоты, не оставили нам ни единого изображения работающих жен- щин.

Самая ранняя картина, которая может представлять жен- щину не как сексуальный объект, а как работающую лично- сть, датируется эпохой, известной археологам как мезолит

или средний каменный век, около 16.000 г. до н. Северная Европа была к тому времени покрыта льдом, и люди двинулись на юг, и именно с юга приходит этот любопытный документ: он был обнаружен в искусственной пещере в провинции Валенсия на юго-востоке Испании. На нем изображена человеческая фигура, стоящая на гениально сконструированной веревочной лестнице и собирающая мед из гнезда пчел в корзину. Фигура неестественно стройная, стиль довольно африканский. Скорее всего, это женская фигура; но мнения по этому вопросу расходятся.

Семена и фрукты

Большие изменения в обществе, которые привели к далеко идущим последствиям для сексуальной жизни, начались, когда климат изменился, и Европа постепенно стала свободной ото льда. Геологи назвали конец последнего ледникового периода около 12 000 г. до н. э. Эпоха охотников закончилась. Большие звери погибли на морозе или мигрировали в другое место. Постепенно, однако, люди пришли к пониманию, что они могут прокормить себя, не стреляя или нанося удар каждому зверю, который попадал в их радиус действия. Скотоводство заменило охоту. Теперь скотоводы должны были наблюдать, сколько времени проходит между оплодотворением скота и рождением потомства.

Поскольку скотоводства само по себе было недостаточ-

но для поддержания жизни в большинстве районов, людям приходилось работать над добычей других съедобных плодов земли. Мы не знаем, что это были за люди, которые изобрели устройство, для посадки зёрен диких растений в землю, чтобы производить больше зерна. Считается, что рис впервые был выращен в юго-западной Азии, и вскоре после этого в долине Нила стал выращиваться ячмень. Посев земли привлек внимание к процессу размножения. Именно тогда человек полностью осознал концепцию плодородия, что обычно странно для народов-охотников. Они поняли, что рождаемость не была каким-то автоматическим процессом; этому процессу должны были помочь природа, небо и земля, но сначала должно было быть зерно. Человек способен продвигать и в определенной степени регулировать оплодотворение. Как и в случае с растениями и животными, размножение человека, вероятно, было чем-то весьма похожим. Не нужно было много учиться, чтобы прийти к такому выводу. Тем не менее, если кто-то хотел иметь здорового ребенка, было бы хорошо определить, чтобы погода в ночь зачатия была правильной, учитывать в этот период небесные знаки и влияние луны и звезд. Большая семья считалась небесным благословением и была очень желанной, поскольку сельское хозяйство требовало много рабочих рук.

Совершенно очевидно, что женщины с самого начала принимали очень большое участие в этой новой работе на земле. Даже если доисторические народы не возлагали сельское хо-

зяйство полностью на женщин, как отсталые племена нашего времени, все же женщины должны были выполнять большую часть работы по сеянию; сбор спелых плодов, возможно, был работой мужчины.

Помимо этого тяжелого труда на полях, женщины вскоре должны были выполнить ещё одну функцию. Поскольку животных больше не было – а в более теплом климате меха были, во всяком случае, неприятно тёплыми – человек должен был придумать для себя другой тип одежды. Сначала одежда, вероятно, была изготовлена путем адаптации процесса плетения корзин, который уже получил широкое развитие. В качестве материала использовались шерсть, овечья шерсть и лен. Даже после открытия шпинделя, который производил более ровную нить, это был очень тяжелый труд; и это легло исключительно на женщин.

Jus Maternum u Patria Potestas ¹⁰

Чрезвычайно важная экономическая роль, которую сыграла женщина в формировании нашей цивилизации, была отчасти ответственна за одну из самых смелых и самых противоречивых сексуальных теорий прошлого века: доктрину *jus maternum*¹¹. Согласно этой теории, люди изначально жи-

¹⁰ Patria potestas – власть римского домовладыки (отца семьи) над детьми, в число которых включаются и дети детей, т. е. внуки, правнуки и т. д.

¹¹ Материнское право

ли в полной неразберихе, и, поскольку никто не знал, кто был отцом какого-либо ребёнка, единственными определенными физическими отношениями были отношения между ребёнком и его матерью. Следовательно, матерей и женщин в целом высоко ценили. Они также были политически доминирующим классом. Гинекократия была оригинальной политической формой среди всех народов древности. Лишь постепенно, после продолжительной борьбы, возникла новая форма человеческого сосуществования – моногамная семья. Теперь стало известно, к какому отцу принадлежат дети, и, таким образом, мужчина стал доминирующим партнером в сексуальном партнерстве, семье, племени, государстве. *Jus paternum* заменил *jus maternum*.

Подобные теории были выдвинуты прежде, в частности французским миссионером – иезуитом Лафито¹², который нашел практическую форму *jus maternum* среди североамериканских индейцев в начале XVIII века. Эти теории, однако, получили немного учеников, поэтому, когда в 1861 году швейцарский юрист Иоганн Якоб Бахофен опубликовал свою фундаментальную работу о *Das Mutterrecht (jus maternum)*, его взгляды перешли к новому, очень важному открытию. Книга вышла в удачный момент. Это была эпоха, когда многочисленные открытия пробудили очень острый интерес ко всему, что связано с предысторией, и к об-

¹² I. F. Lafitau, *Mœurs des sauvages américains, comparées avec les mœurs des premiers temps* (1724).

щей решимости пересмотреть все теории о прошлом развитии природы и человечества. Прошло два года после публикации «Происхождения видов» Дарвина и первого великого критического анализа общества Марксом; повсюду, в физике, в химии, в медицине основы устоявшейся власти ломались.

Бахофен казался более надежным авторитетом, потому что лично он не был революционером. Тем не менее, созданная им теория имела характер разрушить один из столпов существующего общественного порядка – веру в естественное превосходство мужчины над женщиной.

Бахофен отрицал, что природа каким-либо образом предопределила мужчину стать правителем семьи. Естественное право принадлежит женщине, и в прошлом она доказала, что знает, как это право использовать. Мужчина был узурпатором. Бахофен не сожалел об этом развитии; напротив, он расценил это как аванс. Тем не менее он считал необходимым дать мужчине урок истории, показать ему, что он не всегда был хозяином и даже не был хозяином сегодня везде. Там, где мужчины ещё были близки к природе, управляло тело, и тело было женское. Только когда победил дух, мужчина достиг господства.

По сути, эта теория была очень лестной для мужского пола, но она не повысила его престиж, поскольку правителя, который не всегда был правителем, можно будет выселить снова. Сначала Бахофен был вынужден сформулиро-

вать свою теорию, прочитав отрывок у Геродота, в котором говорится, что среди ликийцев мужчины берут фамилии своих матерей, а не отцов. Бахофен собрал некоторые дополнительные данные из древности и из некоторых «примитивных» народов современности, среди которых номенклатура и наследство проходят по материнской линии. Но в целом его взгляды основывались на философских и общекультурно-исторических соображениях. Однако после того, как вопрос был открыт, его теории получили мощное подкрепление от британских и американских писателей. Самый богатый материал был предоставлен американским этнологом Льюисом Н. Морганом, который наблюдал за переходом от системы, основанной на *jus maternum*, к системе *jus paternum*, происходящей среди индейцев – ирокезов¹³.

Подкрепленный идеями Бахофена, Морган разработал систему «закона» пола и семьи первобытных народов¹⁴, которая, казалось, разрешила все загадки в этой области, и установила градацию половых отношений как для доисторического человека, так и для выжившего «дикаря» народов. Только в первобытной орде половая распушенность была правилом; в организованных охотничьих племенах половая жизнь уже была строго регламентирована. Каждое племя было разделено на группы, и мужчины любой группы могли жениться только на женщине из другой группы; но

¹³ L. H. Morgan, *The League of the Iroquois* (Rochester 1851).

¹⁴ L. H. Morgan, *Ancient Society* (1877; 2nd ed., Chicago 1910).

брак был коллективным, а не индивидуальным. Поскольку не было известно, кем был отец, мать оставалась решающим фактором во всех вопросах семейных отношений и наследования. Только когда производство настолько развилось, что два человека, мужчина и женщина, могли содержать себя экономически, путем разведения скота и ведения сельского хозяйства, без постоянной необходимости помощи со стороны своих соплеменников, семья распалась и стала моногамной единицей. Таким образом, моногамия шла рука об руку с развитием частной собственности.

Поскольку мужчина стал экономически более активным и более сильным партнером, женщина попала под его доминирование сексуально и в других отношениях. Она стала «его» женщиной со всеми сервитутами, которые правитель может навязывать своим подданным. Теперь она существует только для него. Неверность со стороны женщины подвергается самым суровым наказаниям, отказу от участия или даже смерти, в то время как мужчина оставляет за собой право вступать в половые отношения с другими женщинами и во многих странах сохранять несколько женщин в качестве постоянных спутниц в той мере, в которой это было разрешено его средствами. Естественное превосходство женщины – естественное, потому что она более тесно связано с потомством – наследуется искусственно, как неестественное первенство мужчины.

Теории эволюции Бахофена и Моргана особенно привет-

ствовались в «прогрессивных» научных кругах. Социалисты сделали *jus matemum* частью своего катехизиса. Маркс читал Моргана с энтузиазмом; Энгельс¹⁵ и его ученик Бебель¹⁶ популяризировали теории американского этнолога и использовали их в качестве оружия в своей кампании за освобождение женщин, хотя условия жизни первобытных народов оказывали лишь слабую поддержку делу равенства прав в современном обществе или тем более в социалистическое государство будущего.

Но в то время как эти теории стали обычным местом «образованного» общества, специалисты воспитывали всё более тяжелую артиллерию и совершали одно за другим нарушения в этой искусственной доктринальной структуре. Это следы *Jus Matemum* должны быть найдены среди многих примитивных современных народов, а также у народов древности, особенно в Греции и Риме, что не вызывает сомнений. Но нужно различать «матрилинейный» и «матриархальный» строи. То, что происхождение прослеживается через мать, — это не доказательство того, что женщина была правителем семьи, а тем более племени. Если посмотреть на массу археологического и этнологического материала, чистая матриархатность представляется скорее исключением, чем прави-

¹⁵ Friedrich Engels, *Der Ursprung der Familie, des Privateigentums und des Staates* (Zurich 1884).

¹⁶ August Bebel, *Die Frau in der Vergangenheit, Gegenwart und Zukunft* (Zurich 1883). *Die Frau und der Sozialismus* (25th ed., Stuttgart 1895)

лом. Там, где женщины действительно были признаны правителями, за ними обычно стоял мужчина, который пользовался эффективной властью; если не муж женщины, то ее брат.

Но ещё менее уверенным оказалось предположение, что мужчины изначально жили в сексуальной распущенности. Никто не знает, каково было положение в доисторические времена, но аналогии среди выживших первобытных народов показывают, что моногамия является практикой именно в самых примитивных полчищах, которые обладают только остатками племенной организации¹⁷. Это неудивительно; моногамия обычна для человекообразных обезьян – хотя можно сказать, что формы социального существования среди них, ближайших предполагаемых родственников человека, настолько разнообразны и настолько взаимно противоречивы, что единственное безопасное обобщение состоит в том, чтобы сказать, что обобщения невозможны.¹⁸

Так и сегодня с нашими взглядами на первобытное человеческое общество. Таблицы Закона, которые, как думала наука, установили сто лет назад, были разрушены, и пока на их месте нечего ставить. Исследование частного разрушило универсальную картину. После столетий кропотливых исследований ученые стали более разобщенными, более скептическими, чем когда-либо. Один из ведущих современ-

¹⁷ 1. E. A. Westermarck, *History of Human Marriage* (London 1891), pp. 61ff.

¹⁸ Georgene H. Seward, *Sex and the Social Order* (Penguin Books, 1954), p. 80.

ных специалистов по вопросам секса, Бронислав Малиновский из Лондона, однажды подытожил позицию в следующих словах: «Как член «внутреннего кольца», я могу сказать, что всякий раз, когда я встречаю миссис Селигман или доктора Лоуи, или обсуждая вопросы с Рэдклиффом – Брауном или Кребером [всеми высокопоставленными специалистами], я сразу же осознаю, что мой партнер ничего не понимает в этом вопросе, и я обычно заканчиваю ощущением, что это также относится и к мне. Это относится ко всем нашим сочинениям о родстве и полностью взаимно».¹⁹

¹⁹ 2. B. Malinowski, 'Kinship', *Man* (London 1930), p. 21.

Глава 2

Муж твой господь и господин

Доисторические люди являются для нас анонимными представителями вида. Чтобы отличить их, мы называем их в честь мест, в которых следы их существования были впервые обнаружены. Мы используем геологическое расслоение этих мест, анатомические характеристики ископаемых костей, степень совершенства орудий и стиль картин, в качестве наших руководящих принципов для воссоздания приблизительной хронологии, которая не может быть точной с точностью до нескольких тысяч года. Все более точное должно основываться на смелых гипотезах. Но люди, которых мы помещаем в эти хронологические таблицы, остаются спектральными очертаниями; в них всегда есть что – то абстрактное.

История начинается только тогда, когда появляются имена, которые устная или письменная традиция придает конкретным лицам. Хотя имена могут быть менее достоверными, чем ископаемый скелет какого – то доисторического человека, они все же наделяют своих носителей глотком индивидуальной реальности, которого так не хватает анониму. У того, у кого есть имя, есть отец и мать, и часто само имя дает некоторые указания на то, кем они были. Тот, у кого есть

имя, принадлежит к классу, племени, народу, существование которого не нуждается в доказательстве с помощью крауниометрии. В этом смысле даже легендарные имена обладают большей реальностью, чем безымянные неизвестные из предыстории.

Несмотря на то, что археологи и историки пытались соединить два века, огромная пропасть всё ещё зевает между безымянной эрой предыстории и началом исторического периода с его названиями. Внезапно наши глаза видят великие империи, которыми правят могущественные монархи, придворные, священнические касты, которые предписывают людям, что делать, а что оставить неисполненным. Вместо нескольких бедных деревень, знакомые в наибольшей степени с одним ремеслом – гончарным – помимо сельского хозяйства, огромных городов и множества призваний; здания, сооружение которых требовало сложных математических расчетов; хозяева и рабы, надзиратели и купцы.

Откуда пришла вся эта активность? Кто создал этот новый мир? Вероятно, это были мужчины: мы знаем кое-что из немногих источников. Это, однако, не совсем точно; В любом случае следует отметить, что как только появляются имена, мы слышим о женщинах и женщинах на очень высоких постах: правят царицы, а также цари, жрецы, а также первосвященники, служащие храмам и мужчинам. Часто женщины, как представляется, имеют преимущество – не как доминирующие партнеры в половых отношениях (хо-

тя иногда это могло быть фактором), а потому, что женщина считается естественной связью между поколениями. Если проследить генеалогическое древо дальше, это перестает применяться: кажется, что человек был в лучшем положении с богами, но для последнего и предпоследнего поколения мать, несомненно, предлагает лучшую гарантию законности потомства, чем отец. Природа так предопределила это. Люди могут изобрести законы, чтобы скрыть этот факт, но они не могут полностью избавиться от него.

Классовая мораль

Тогда была ли оригинальная форма общества матриархальной? Говоря в таких общих терминах, тезис несостоятельный, так как предполагает пансексуализм, существование которого не доказано ни на одной стадии общественного развития. Секс всегда важен – больше в некоторых возрастах, меньше в других – но никогда не неважен. Человек никогда не управлялся исключительно своими чреслами. Другие инстинкты и потребности всегда требовали их прав: в древнейших организованных государствах, известных истории, мы уже находим приоритет между полами после трехстороннего расслоения классов, многие следы которого узнаваемы в наши дни.

Высший класс мыслит в терминах линии. Он вызывает нисхождение либо от бога, либо от какого-то великого пред-

ка. Все потомки этого августейшего праотца, не считая пола, в принципе считаются равными по званию. Не все они могут иметь право носить корону или получить равную часть наследства, поскольку власть не может быть разделена *ad libitum*, как собственность не разделена до бесконечности, иначе власть исчезнет. Поэтому наследование должно регулироваться специальными законами, которые варьируются от страны к стране и от возраста к возрасту. Если это может быть физиологически оправдано, тем лучше. Так называемый «естественный закон» первородства, безусловно, был разработан с учетом прагматических соображений такого рода. Семья с возрастом слабеет, поэтому первый должен приносить плод. Тем не менее, даже те члены, которых природа благословила меньше, пользуются социальными привилегиями, которые они получают благодаря своему происхождению.

Этими привилегиями пользуются как женщины, так и мужчины. Следствием этого во многих эпохах является то, что женщины из высшего класса, как и их братья, пользуются значительной сексуальной свободой – при условии, что они не фальсифицируют кровь при общении с мужчинами, рожденными по происхождению. Для зачатия и ради зачатия не одно и то же. Мужчина, который дарует свое княжеское достоинство женщине из простонародья, облагораживает ее, но принцесса, которая отдает себя человеку более низкого ранга, унижает свою собственную расу.

В среднем классе, позже известном как буржуазия, социальное положение женщины с самого начала гораздо менее выгодно. Ее неполноценность продиктована экономическими факторами. Один мужчина занимается торговлей, будучи торговцем, ремесленником или государственным служащим, и, таким образом, зарабатывает на жизнь семьи, в то время как женщина выполняет работу, которая не оплачивается, и, следовательно, — как в наши дни — не считается доходом. Она потребляет и тратит и, следовательно, рассматривается с материальной точки зрения как дебет. От дохода мужчины зависит, справится ли он с одним таким бременем или сможет ли он относиться к нескольким женам; но в любом случае женщина должна быть ему верна, потому что даже если с юридической точки зрения она не просто его движимое имущество, она все же принадлежит ему; он приобрел ее, чтобы она могла зачать и воспитывать своих детей, а не детей другого человека.

В низших классах бедность уравнивает оба пола. Многоженство слишком дорого, даже бордели не многим по карману. Профессиональная деятельность также объединяет оба пола. В полях юноши и девушки работают вместе в крайне неограниченной атмосфере. Сено и зеленая луговая трава были самыми удобными из свадебных кроватей задолго до того, как поэты-пастушки воспевали их; человечество было бы гораздо менее многочисленным без них. В древнем Китае условия на полях приближались к распущенности. Идил-

лия, однако, была недолгой. Когда девочкам исполнилось двадцать, юношам – тридцать, им пришлось заключить контракт. Даже это, однако, не было браком в гражданском праве; крестьянин получал только узаконенность. На Ближнем Востоке брак, заключенный по контракту, был привилегией высших классов.

В Египте плебс получил это право только во время великой социальной революции, которая произошла около 2000 г. до н. э.²⁰ Теперь он не только повысил свой социальный статус, но и получил право распоряжаться землей и домами. Однако, чтобы воспользоваться этими правами, мужчина должен сначала обладать какой-то собственностью. Единственная реальная выгода, достигнутая бедными, заключалась в том, что теперь им было предоставлено место захоронения, в котором семья могла совершать культ мертвых, получая, таким образом, доступ в загробный мир, в котором ранее им было отказано.

В Вавилоне брак не принес им даже этого преимущества. Вавилонское семейное право с его тщательно продуманными правилами наследования и классификацией должностей и обязанностей младших жен и наложниц было оформлено исключительно для удовлетворения потребностей состоятельных классов: оно не имеет смысла для пролетариата. Действительно, многие брачные контракты из Месопотамии, дошедшие до нас, касаются исключительно браков, связан-

²⁰ A. Moret, *Le Nil et la Civilisation Egyptienne* (Paris 1926), p. 329.

ных со значительным распоряжением имуществом.

Низшие классы обычно жили в моногамии, но поскольку им нечего было терять и нечего приобретать, то, как они ладили друг с другом, было делом мужчины и женщины. Государство интересовалось только этой проблемой, потому что правители Вавилона стремились к максимальному увеличению населения. Им нужна была человеческая сила, чтобы возделывать поля, строить храмы и дворцы, вести войны и расширять границы королевства. Поэтому потомство всех классов должно было быть защищено. Женщина, которая пытается уничтожить ребенка в своём чреве любыми способами – и несколько таких методов были известны в древности – за это бывала привязана к позорному столбу и отхлестана. Если она умирала до того, как ей было назначено наказание, ей было отказано в ритуальном погребении. Мужчина, который случайно стал причиной выкидыша, ударив или толкнув беременную женщину, должен был заплатить штраф и в течение месяца принудительно трудиться для короля. Это правда, что наказания были тщательно распределены в зависимости от статуса жертвы: плод матки буржуазной дочери был в пять раз дороже, чем плод рабыни, в три раза дороже плода проститутки. Однако во всех случаях применялось несколько загадочное правило, согласно которому виновник должен был заменить «живое существо» женщины.

Инцест в Египте

Среди правителей Месопотамии есть имя только одной женщины, и это имя женщины, которой, скорее всего, никогда не существовало: легендарная Семирамида, предполагаемая основательница Вавилона и архитектор его висячих садов. В Египте ни одна женщина до Клеопатры не достигала такой славы; тем не менее, египетская история с самого начала наполнена женщинами, которые правили де-факто и часто были более могущественными, чем любой фараон мужского пола. Первые королевы, Нейт – Хетеп, жена Менеса, и Мерт – Нейт, жена Усафайя, были принцессами из Дельты и принесли своим мужьям в приданое плодородные земли – актив, почти более важный для правителей всех возрастов, чем сама физическая плодovitость. Египет показал пример политического брака, союза людей, который автоматически приводит к принудительному объединению целых народов.

В сексуальном отношении эти ранние фараоны, похоже, были совершенно нормальными. Лишь много веков спустя браки между братом и сестрой вошли в моду. В некоторых династиях наследник престола был абсолютно обязан жениться на своей сестре, иначе он не был бы признан законным правителем. Позже традиция исчезла, и короли стали искать своих супругов в других княжеских семьях, но время от времени ее возрождали: в последний раз в эллинистиче-

ский век. Преемники Александра Великого, Птолемеи (греческая династия), практиковали брак между братом и сестрой в течение трехсот лет без заметных физических последствий. Эта практика была основана на религиозных корнях, в частности, на культе божественной пары Изиды и Осириса, чья порождающая сила пережила смерть. Но многие религии знают прецеденты такого рода, и они не породили политических институтов. Любое генеалогическое древо, божественное или человеческое, которое ведет свое происхождение от пары первых предков, должно предполагать инцест между родителями и детьми или между братьями и сестрами. У Каина и Авеля не было другого способа воспроизвести их вид. Рационалистическое объяснение стремится связать эту фараонскую практику с законом наследования. По египетским законам мужчина являлся владельцем семейного имущества, но после смерти оно переходило к кровным родственникам жены. Поэтому фараон, желавший сохранить семейную собственность, которая часто составляла всю страну, и не допустить ее попадания в чужие руки, был вынужден жениться на своей собственной сестре.²¹ Это звучит достаточно правдоподобно, но этот вопрос всё ещё требует отступить на шаг назад, не решая его. Если браки между братом и сестрой считались неестественными, почему семейное право не было изменено? Сексуальный союз между братом и сестрой явно не считался извращением, по крайней мере,

²¹ W. M. Flinders Petrie, *Social Life in Ancient Egypt* (London 1923), p. 319.

в высших кругах. В египетской любовной поэзии²², которая очень изощрена и беспрепятственна, любовники обращаются друг к другу как к «брату» и «сестре» именно тогда, когда они разговаривают на самые интимные темы, и на самом деле, это часто были их отношения.

Отношение к инцесту сильно различалось как среди первобытных народов, так и среди народов древности. Евреи домоисеевой эпохи допускали брак между детьми одного и того же отца, но не одной и той же матери. Авраам был свободен жениться на Саре, которая была его сводной сестрой. Позже правило стало более строгим. Подробное законодательство о сексе у Левита полностью запрещает не только брак между братьями и сестрами, но и любые сексуальные отношения между близкими родственниками. В Старой Персии существовал «священный» брак между близкими родственниками, в то время как в Индии Будда Гаутама запрещал брак в шестой степени родства. Вавилон проигнорировал этот вопрос, в то время как в Египте, как мы видели, брак между братьями и сестрами временами был государственным учреждением и никогда не запрещался. Это правда, что, когда фараоны приняли своих сестер в качестве законных супругов, у них было достаточно наложниц, чтобы спасти свои супружеские жизни от чрезмерного однообразия. Говорят, что Рамзес Второй был отцом 160 детей. Также женщины, которые сидели на троне фараонов, похо-

²² Adolf Erman, *Die Literatur der Aegypter* (Leipzig 1923), pp. 303ff.

же, не всегда довольствовались вниманием своих братьев. Клеопатра, последняя из линии Птолемеев, несомненно, была не первой, кто время от времени оказывал свои королевские услуги в других местах.

Хорошо известно, что жены фараонов, будь то их сестры или нет, играли важную роль во всех эпохах египетской истории и часто полностью доминировали над своими мужьями. В беспокойные времена в середине второго тысячелетия женщины стали занимать настолько доминирующее положение, что их мужья часто считались просто принцами-супругами. Баланс был восстановлен антифеминистским движением, возникшим в армии, и имя великой королевы Хатшепсут было стерто со всех общественных зданий. Но в конце концов женщины оказались победителями. Если они не могли управлять страной из дворца, они управляли ею через храмы. При XXIII династии, в VIII веке до н. э., принцесса стала верховной жрицей храма Аммона в Фивах, учреждения, которое выполняло примерно ту же роль, что и Дельфы в Греции, закрепляя оракулов, с которыми нужно было консультироваться, прежде чем принимать какое-либо важное политическое решение. Здесь, поэтому, высокая политика была решена заранее. Верховная жрица действительно не могла взять себе ни одного мужа, кроме ее бога, но ей было позволено усыновить молодую девушку, которая в конечном итоге становилась ее преемницей. Таким образом, храм Аммона стал местом своего рода неофициального женского

правления, которое длилось более двухсот лет, вплоть до завоевания Египта Персией.

Кодекс Хаммурапи

В то время как Египет предстает перед более поздним миром, в истории и на карте, как феминистская земля, страна амбициозных, умных, красивых, милостивых и интригующие женщин, в Вавилоне, другом великом анклав Ближнего Востока, мужской элемент явно доминировал. Даже здесь существовали определенные институты, которые могли быть истолкованы как пережитки раннего матриархата, но в исторические времена общественные дела были в руках мужчин. Роль женщины состояла в том, чтобы рожать детей, заниматься домашним хозяйством и, что немаловажно, служить мужчине. Это всё ещё не означало, что мужчина, как и в более поздние дни, стремился низвести женщину до полного подчинения. Она была его партнером, человеком, с которым нужно обращаться как с таковым, а не с со скотом, с которым он мог делать всё, что хотел. У нее были свои обязанности, но также и свои права, и во многих отношениях она с ним была практически равной перед законом.

Вавилон был истинным предшественником Рима. Вавилонское государство было государством, упорядоченным по закону: письменные кодексы информировали граждан о том, что они могут делать, а что нет, и какие меры наказания ожи-

дают тех, кто нарушил правила. В начале второго тысячелетия до нашей эры царь Хаммурапи кодифицировал действующее законодательство и важнейшие судебные решения в единый документ, который оставался в силе на протяжении многих веков. Законодательство Хаммурапи содержит больший социальный элемент, чем большинство античных кодексов. Он защищает слабых, в том числе женщин. Его главный интерес, однако, в поддержании собственности. Вавилоняне были практичными людьми, и их законодатели слегка пренебрегали принципами; их целью было выяснить и решить типичные проблемы повседневной жизни.

Верно, что религиозные легенды Вавилона говорят, что человек был создан, чтобы доставлять удовольствие богам. Однако в этом мире мысли вавилонян были сосредоточены на деньгах. Там ещё не было чеканных денег, но слитки серебра и меры ячменя выполняли свою функцию. Большая часть семейного права в кодексе Хаммурапи касалась денег, недвижимости и личного имущества; продаж, кредитов и ипотеки; но оно также придавало большое значение регулированию человеческих отношений в семье, между мужем и женой и их родственниками. В строгом смысле семейное право является предметом не менее шестидесяти четырех из 252 статей Кодекса.

Основой семьи был первый брак, что было подтверждено брачным договором. Кроме того, муж может содержать одну или несколько наложниц, которых он может даже взять

в свой дом, особенно если его жена больна или бесплодна. Если мужчина не имеет детей даже от своих наложниц и настаивает на наличии проблем, он может в исключительных случаях, сохраняя при этом свою законную супругу, также взять вторую жену. Вторая жена, однако, занимала только подчиненную должность в знак того, что ей пришлось мыть ноги первой жене.

Согласно более старому законодательству, молодой человек, соблазнивший невинную девочку, был вынужден попросить у её родителей её руки. Отказ жениться на ней мог стоить ему головы. Эта строгость была впоследствии смягчена. В кодексе Хаммурапи больше не упоминается о брачных отношениях. Государство только начало интересоваться сердечными делами своих подданных в тот момент, когда сам мужчина решил жениться. Поскольку брак влечет за собой обширные финансовые обязательства, все детали которых должны быть тщательно урегулированы заранее.

Коммерческая сторона осуществлялась в два этапа: сначала мужчина дарил невесте свадебные подарки, затем он получал от родителей девочки приданое, которое, однако, было не покупной ценой, а всего лишь вкладом в расходы на содержание жены. Если, как это случалось нередко, жена оставалась в доме своих родителей после вступления в брак, муж должен был заплатить родителям сумму, необходимую для ее содержания. Приданое оставалось собственностью жены по закону, и его муж должен был вернуть, когда собирал-

ся взять себе другую жену.

Основания для развода были многочисленными и определены довольно свободно. Основным основанием была бездетность: и естественно, поскольку целью брака было дать мужчине потомство. Однако муж мог также развестись со своей женой, если она стала недееспособной вследствие выполнения своих домашних обязанностей или по какой-либо другой причине оказалась плохой домохозяйкой. Во всех таких случаях одностороннего объявления мужа было достаточно, чтобы расторгнуть брак: жена забирала с собой свое приданое или то, что от него осталось. Если были дети, за их содержание отвечал муж, но других обязательств у него не было. Если бы он хотел быть великодушным, и если судья согласится, он может оставить жену в своем доме в качестве рабыни, формально не изгнав ее.

Всё это звучит очень жестоко, но это было смягчено тем положением, что жена, в свою очередь, могла развестись со своим мужем, если бы он вел себя плохо и слишком грубо пренебрегал своими супружескими обязанностями; ей, однако, нужно согласие суда. В случае успеха она возвращала свое приданое, а также получала компенсацию и имела право снова выйти замуж. Таким образом, законы о разводе древнего Вавилона принципиально не сильно отличались от законов современного мира, за исключением того, что при них развод был легче для мужчин, чем для женщин.

Различия в отношении неверности были больше. Если

муж слишком пренебрегал своей женой, она могла бы оставить его; у нее не было дальнейшего возмещения. Неверность со стороны мужчины не повлекла за собой никакого наказания, кроме возможной компенсации жене. С другой стороны, неверная жена рискует быть брошенной в воду, чтобы утонуть. Если она была поймана *in flagranti*²³ со своим любовником, оба были связаны и брошены в воду; там, где вина не была доказана, судили «божьем судом»: подозреваемую пару бросали в воду без ограничений, и бог реки решал, виновны ли они. Бросание в воду было любимым наказанием в вавилонском правосудии. Местный донжуан или женщина лёгкого поведения должны были быть хорошими пловцами, чтобы избежать преждевременного конца в Тигре или Евфрате.

Еще одно очень жесткое положение позволило мужу при условии согласия суда продать не только свою жену, но и своих детей кредиторам в качестве обеспечения своих долгов: таким образом он был лишен не только своих долгов, но и, если он того пожелал, собственной жены.

Чтобы эта лазейка не использовалась в качестве дешевого заменителя развода, закон ограничивал трехлетний период, в течение которого жена могла быть заложена. Маловероятно, впрочем, что многие мужья воспользовались этим правом. Позже, однако, период был удлинён, и в неовавилонской империи бизнес по избавлению от жен и детей превратился

²³ Букв. с поличным (*лат.*).

в специализированную отрасль работорговли.

После ассирийского завоевания закон стал ещё более жёстким. Кроме испытания водой, неверная жена могла лишиться носа, а ее любовник мог быть кастрирован. У распутников, которые соблазняли замужних женщин, отрезали уши. Таким образом, ассирийская мораль была способна к анатомической дифференциации.

Храмовая проституция

Чем более строги были положения семейного права, тем большим было желание мужчин создать свободную зону, в которой они смогли бы удовлетворить свои сексуальные желания, не принимая на себя последующих обязательств. Женщина должна была получать оплату за свои услуги, но не иметь никаких претензий к ее посетителю. Если он пожелает, он может прийти снова, но даже частые или регулярные посещения не создают никаких юридических обязательств. Сложные отношения между мужчиной и женщиной, вызванные браком и наложницей, заменяются простой сделкой. Отпадает необходимость беспокоиться о моральных и материальных последствиях (хотя и не обязательно физиологических). Остается только половой акт, единственная и нескрываемая цель, без длинного пролога или эпилога.

Это крайнее удобство, с точки зрения мужчины, является основой проституции. Она существует у многих прими-

тивных народов; она появляется как прочно укоренившийся институт в древнейшие исторические времена. В третьем тысячелетии до н. э. она была в полном разгаре в восточных империях, которые в то время воплощали самые передовые цивилизации, когда-либо созданные человеком. Всюду это было общественное учреждение, связанное с храмами, которые получали от него часть своих доходов; и всюду оно было двуполым: т. е. и мужчины, и женщины занимались торговлей своим телом. Тот факт, что проститутки действовали как слуги богов и что современные сообщения называют их «святыми», не меняет реалистического характера их бизнеса.

Конечно, не случайно наши источники для этой отрасли сексуальной экономики особенно многочисленны для Вавилона, самого практичного из всех восточных государств. Храмовая проституция когда-то считалась специальностью семитских народов; на самом деле, однако, самый ранний зарегистрированный храмовый бордель был в государстве несемитского народа, шумеров, в святилище верховного божества Ану, в Уруке. Проститутки были посвящены в культ похотливой дочери Ану, богини Иштар. Проститутки жили в специальном доме, *Gagum*, под наблюдением администраторши. Существовало три категории проституток: Кизрете, Сенхате и Харимате. Последние пользовались особенно дурной репутацией: человек, попавший к ним в руки, уверяет

древний текст, считался пропащим.²⁴

Почти те же самые упреки были направлены против женщин категории Хариматэ, (примерно такие же, что и против проституток в более поздние века): «Не женитесь на Харимате, которая обладала бесчисленным количеством мужчин. В твоём несчастье она не поможет тебе. Перед судьей она будет говорить против тебя. Уважения и подчинения она не знает. Она непременно разрушит твой дом. Поэтому изгони-те ее, ибо глаз её следует по стопам чужих людей. Каждый дом, в который она входит, унижен. Тот, кто женится на ней, не найдет ни счастья, ни процветания».

Это предостережение, явно адресованное молодому человеку, наводит на мысль, что тогдашние жрицы любви не ограничивали свою профессию исключительно рамками служения богини, а выходили за их пределы и иногда пытались войти в добропорядочное общество через врата брака. Однако они считались изгоями, в отличие от настоящих жриц, которые пользовались большим уважением. Храмовым проституткам не разрешалось воспитывать собственных детей: их поручали приемным родителям, и под страхом смерти было запрещено спрашивать, кто их отец. Женщина, которая когда-то принадлежала к касте проституток, считалась потерянной навсегда.

Такое презрительное отношение к проституции трудно

²⁴ L. Delaporte, *La Mesopotamie. Les Civilisations babylonienne et assyrienne* (Paris 1925), p. 95.

примирить с утверждением Геродота о том, что в Месопотамии каждая женщина, прежде чем выйти замуж, должна была однажды отдаться незнакомцу в храме. Это могло быть способом выживания с очень раннего возраста, но отчет датируется серединой V века до нашей эры, после Персидского завоевания. И к этому времени храмовые бордели уже давно перестали быть единственными местами, где можно было купить удовольствие. Были найдены документы, датируемые царствованием Навуходоносора II, последнего великого Халдейского царя, и написанные, таким образом, за сотни лет до Геродота, которые показывают, что некоторые богатые граждане Вавилона получали значительные доходы от проституции своих рабынь. Один из них, некий Набу-Аки-Иддин, заставлял своих слуг работать в борделе, принадлежащем некоему Калбе, и получал 75 % прибыли. Глиняные таблички Вавилона, несомненно, являются лучшим доказательством, чем романтические истории греческих историков о том, что дочери добрых бюргеров должны были посетить храм и там отдать себя один раз тому, кто бросил монету им в подол (единожды, но ни при каких обстоятельствах не во второй раз).²⁵

Геродот объясняет эту обязательную проституцию, общепринятую современными учеными,²⁶ тем, что это был чисто религиозный акт, жертва богине, которой каждая жен-

²⁵ Herodotus, *Histoires*, I, 199.

²⁶ I. Plessis, *Étude sur les textes concernant Ishtar-Astarte* (Paris 1921), p. 250.

щина должна принадлежать в течение ночи или по крайней мере часа. Богиня выбирала для неё любовника. Это был совершенно безымянный Союз, мистическое соединение с божественностью, которое забирало девственность девушки, прежде чем она вступала в брак. Мы знаем о брачных обычаях такого рода у первобытных народов; но удивительно, что они практиковались в Вавилоне, где половая жизнь среднего класса была наиболее строго регламентирована, хотя бы из-за проблем наследования. Если «История» Геродота правдива, то должно было быть бесчисленное множество добрачных родов, особенно с тех пор, как аборт был запрещен. Каково было социальное положение этих добрачных детей, зачатых в служении богине Иштар, и наследовали ли они после своих родительниц? Ни один из вавилонских источников не просветляет нас на этот счет и даже не упоминает о нем.

Геродот также описывает другую форму храмовой проституции. Высоко в знаменитой Вавилонской башне Этеменанки, которую восстановил царь Набопалассар, стоял храм,²⁷ в котором была большая кровать, богато украшенная, а рядом с ней стол из золота. Каждую ночь эту таинственную комнату занимала женщина, избранная из числа дочерей земли своим богом – предположительно великим Мардуком – в качестве его спутницы. То ли эта женщина наслаждалась объятиями Бога только во сне, то ли его роль принял какой-то смертный, царь или первосвященник, мы не знаем.

²⁷ A. Parrot, *La tour de Babel* (Neuchatel 1953).

Гомосексуализм широко практиковался в Месопотамии, как и во всех других странах.

Восточные страны, а также особый класс проституток удовлетворяли его потребности. В больших храмах, в том числе и в храме Иштар в Вавилоне, мужчины-проститутки занимали специальный бордель, разумеется, под религиозным надзором. Старший священник, Уккурум, был у них главным.

Постепенно, особенно в Ассирийский период, двор принял формы, знакомые нам по более поздним султанатам Османской империи. Дворец был оборудован обширным гаремом, под управлением инспектора и главного евнуха. Вообще говоря, однако, Вавилон, по-видимому, никогда не был тем рассадником неизбирательного порока, в который авторы Библии, враждебные ему по политическим мотивам, хотели бы заставить нас поверить. Законодатели Вавилона создали систему семейного права, которая стала образцом для всего западного мира: действительно, следы ее влияния можно обнаружить и сегодня, спустя четыре тысячи лет. Эта система прилагала все усилия для укрепления отдельной семьи, защиты интересов этого вопроса, установления баланса в сексуальной жизни между свободой и обязанностью; и она предоставляла женщинам права, за которые они и сегодня всё ещё борются во многих странах. Короче говоря, несмотр-

ря на некоторые заблуждения, Вавилон оказал нам хорошую услугу в этой области, как и во многих других, и у моралистов есть основания воздать должное этому оклеветанному городу.

Онанизм и обрезание

С тех пор как люди научились расшифровывать иероглифы и клинопись, было обнаружено, что половая жизнь древних евреев не сильно отличалась от жизни их соседей. Их мораль и пороки, их заповеди и запреты в основном согласуются с теми, что мы находим в Вавилоне, Ассирии и Египте. Еврейское отношение к отношениям между мужем и женой в браке почти идентично тому, что изложено в Кодексе Хаммурапи,²⁸ за исключением того, что патриархальная нота была выражена ещё сильнее. Глава семьи имел практически неограниченное право распоряжаться своей женой и детьми.

Целью брака является воспроизводство потомства. Если он не выполняет эту цель, он может быть расторгнут. Целибат²⁹ прямо не запрещен, но считается неестественным. В одном особом случае человек обязан жениться: если старший брат умирает, не оставив мужского потомства, его младший брат должен жениться на вдове. Эта форма принудительно-

²⁸ Sir Frederick Kenyon, *The Bible and Archaeology* (London 1940), pp. **122ff.**

²⁹ Целибат (лат. coelibatus или caelibatus) – безбрачие (обязательный обет безбрачия), как правило, принятое по религиозным соображениям.

го брака, левират³⁰, известна у многих первобытных народов. Евреи следили за этим очень строго. Однако это не всегда доставляло удовольствие человеку, о котором шла речь, особенно потому, что сыновья, рожденные от такого брака, считались законным потомством умершего брата. Младшему брату оставалось только взять на себя физиологическую роль зачинщика, и он иногда упрямился.

Ветхий Завет повествует о странной истории Онана и Тамар.³¹ Ир, сын Иудин, был поражен Богом смертью за какой-то грех, и брат его Онан должен был теперь жениться на его вдове, Тамар, но он восстал. Когда он вошел к Тамар, то защитил себя и честь семьи, пролив свое семя на землю вместо того, чтобы дать ему продолжить род своего брата. Гнев Господень снизошел и на него за его беззаконие, и он умер. Библейское повествование не проясняет, было ли его преступление мастурбацией или прерыванием полового акта, но более поздние поколения приняли первую гипотезу, и мастурбация, в любом роде, известна по сей день, как онанизм.

Заповеди «не прелюбодействуй» и «не возжелай жены ближнего твоего» применялись чрезвычайно строго ещё до Моисея; только испытание водой было несколько менее строгим, чем в Вавилоне. Женщину, подозреваемую в пре-

³⁰ Левират – в этнологии: у некоторых народов – обычай, по которому бездетная вдова обязана выйти замуж за деверя.

³¹ *Genesis* 38: 8-10.

любодеянии, не сразу бросали в воду: сначала ее заставляли пить некую воду, приготовленную не особенно вкусным способом. Если у нее вздувался живот, значит, она было виновна. Однако, как и в Вавилоне, она была защищена от клеветы положением о том, что ложное обвинение тоже карается смертью. Двое старейшин, которые безуспешно пытались добиться добродетели Сусанны в бане, а затем дали ложные свидетельства против нее, заплатили за свою похоть жизнью. Таким образом, эта история имела более серьезные последствия, чем предполагалось в картинах Тинторетто, Рубенса, Рембрандта и др.

Дебора была пророчицей по призванию и состоянию. Это было самое высокое положение, которое женщина могла занимать в древнем еврейском обществе. Иудейская религия, в отличие от других народов Восточной древности, не имела жриц, кроме, может быть, жриц любви. Несмотря на всеобщий запрет на педерастию³² и несмотря на все громы пророков, храмовая проституция никогда не была полностью искоренена в Израиле. Как и в Вавилоне, там были мужские и женские «святые» – Гедесим и Гедесот. Но поскольку в храме Яхве требования к их услугам были, по-видимому, меньше, чем в святилищах Иштар, проститутки занимались своим ремеслом и в деревнях, в интересах путешественников. Их презирали в обществе: люди называли мужчин-проститутков «собаками».

³² *Leviticus* 18 и 20.

Другие элементы еврейской сексуальной жизни имели египетское происхождение. К ним относится практика обрезания, в течение 2000 лет считавшаяся упреком в адрес евреев, но первоначально (а теперь и сегодня в некоторых местах) рассматривавшаяся, как признак прогресса. Ученые до сих пор не пришли к единому мнению относительно первоначального смысла этой операции. Некоторые считают, что удаление крайней плоти является условием выживания со времен человеческих жертвоприношений. В этом случае операция была бы, как полагал Св. Августин, способом очищения младенца, который пришел в мир, обремененный грехами своих предков. Другие видят в этом испытание мужества, которое должен был пройти каждый молодой человек, прежде чем он мог быть принят в качестве полноправного члена своего племени или народа. Только одно объяснение кажется невозможным, и то общее, что евреи ввели обрезание, чтобы отличить их от других народов.

Обрезание не могло быть отличительной чертой библейских времен по той простой причине, что большинство народов, с которыми соприкасались евреи, сами были обрезаны. В течение времени своего пребывания в Египте евреи считали свое необрезанное состояние невыгодным. Обрезание не было египетским изобретением: оно практикуется по всей Африке – от северных племён до готтентотов – и особенно в тропических районах. Египетские жрецы-врачи сделали этот обычай гигиенически-ритуальным обязательством,

от которого не мог уклониться ни один уважающий себя человек. Тот, кто сохранил крайнюю плоть, был варваром – хуже, чем человек с длинными волосами и бородой. Моисей, который, будучи ставленником двора, имел доступ в образованные круги – согласно египетским источникам, он даже некоторое время был жрецом в Гелиополе – очевидно, не был очень глубоко убежден в полезности и необходимости обрезания. В Библии прямо говорится, что он никогда не позволял себе обрезаться. Его сын был обрезан, но операция была выполнена не самим Моисеем, а его женой Сепфорой, дочерью священника Мадиямского.

Только после смерти Моисея Иисус Навин издал общий приказ, чтобы все евреи были обрезаны. Чтобы добиться послушания, он должен был обратиться к примеру предков. Он заявил, что Авраам ввел эту практику, но она впала в запустение и должна быть «обновлена». Современная высшая критика считает эти слова, которые не фигурируют в древнейших текстах, более поздней интерполяцией,³³ но даже без помощи филологов очевидно, что обрезание произошло из египетской практики. Авраам был уроженцем Ура, провинциального города к югу от Вавилона, и обрезание обычно не практиковалось в Вавилонской Империи; но он был в Египте, и только после этого визита он и все мужчины его дома подверглись операции. Даже в эпоху патриархов это не было ни национальной, ни, строго говоря, религиозной запо-

³³ Adolphe Lods, *Israel des origines au milieu du VIII siecle* (Paris 1932), p. 227.

ведью, а только социальной обязанностью, которой должны были подчиняться рабы других рас и даже друзья, пользующиеся гостеприимством Авраама. Это было требование чистоты и, следовательно, ритуала, ибо то, что было нечистым, было мерзостью для Господа.

Это всё ещё было точкой зрения во времена Иисуса Навина. Евреи теперь гордились тем, что их обрезали, и презирали филистимлян за то, что они были необрезаны, как они сами раньше презирались египтянами по той же причине. Однако постепенно многие восточные народы, начиная, по-видимому, с финикийцев, отказались от этой практики. Евреи сохранили его даже в диаспоре, и таким образом мера, начавшаяся именно как признак ассимиляции и приспособления к более цивилизованным народам, стала расовой характеристикой, высмеиваемой необрезанными, как варварский атавизм. Но даже эта идея не длилась вечно. Как раз в тот момент, когда последователи Гитлера направляли свои насмешки против обрезанных, медицинские власти в других западных странах признали огромную гигиеническую ценность обрезания, и сегодня восемьдесят пять процентов всех детей мужского пола, рожденных в клиниках Соединенных Штатов, без различия религии или расы, обрезаются вскоре после рождения.³⁴

³⁴ *Time* (New York, 5 April 1954), p. 96.

Сатти и искусство любви

Самая жестокая из всех сексуальных практик, известных в древности, происходит из Индии, страны долготерпения и непротivления. Сатти, индийская практика самосожжения вдовами (это слово буквально означает «добродетельная женщина») представляет собой привязанность женщины к мужчине, доведенную до последней логической крайности. Женщина, которая была обещана мужчине, должна оставаться с ним навсегда, в том мире, как и в этом, непрерывно. Траур, поклонение умершим, даже безбрачие – этого недостаточно. Женщина, которая была по-настоящему предана своему мужу, не может расстаться с ним, даже физически. Если смерть призовет его в другой мир, она должна пойти с ним и смешать свой прах с его в день кремации его тела. Это звучит одновременно поэтично и героически – своего рода утверждение тайны брака и супружеской верности, более сильное, чем страх смерти. Однако этот жест теряет часть своего величия, когда мы размышляем о том, что он является следствием беспрецедентного сексуального рабства, навязанного женщинам мужчинами и обществом. Это становится ещё более неприятным, когда мы рассматриваем обстоятельства, в которых эта практика возникла и сохранилась до наших дней.

Сатти восходит, по крайней мере, ко второму тысячелет-

тию до Рождества Христова. Она никогда не могла распространиться на всю Индию. Она зародилась среди арийских народов Северной Индии: в дравидийских племен Юга не приняли его слишком широко. Было бы естественно искать его происхождение в Таинстве человеческих жертвоприношений, но древнейшие индийские религиозные книги, Веды, не подтверждают эту интерпретацию. В лучшем случае они терпят Сатти и настоятельно рекомендуют различные методы его избегания. Если женщина ложится на погребальный костер рядом со своим мертвым мужем, а другой мужчина берет ее за руку в последний момент, ей велят признать его своим вторым мужем и вернуться в страну живых.³⁵ Этот добрый совет, по-видимому, не часто выполнялся, ибо мужчине приходилось принимать решение так же быстро, как и женщине, – если только они заранее не договорились об этой любопытной форме брака, – что иногда могло случиться, ибо, несмотря на то, что она была пленницей, индийская жена не всегда была образцом верности.

Если религиозная догма не виновата в Сатти, тем более отвратительна вина священников, которые возжигали огонь. Брахманы особенно настойчиво советовали богатым вдовам погибать вместе со своими мужьями; обычно именно они получали наследство от вдовы.³⁶ Они явно меньше интересо-

³⁵ *Atharva Veda*, 18, 3, 1.

³⁶ R. W. Frazer, 'Sati' in *Encyclopaedia of Religion and Ethics* (London 1920), Vol. XI, p. 207.

вались аутодафе бедных женщин, которые, не имея ничего, что бы могли оставить после себя, не были обязаны быть такими уж добродетельными. Священники даже не вмешивались, если они жили в полиандрии³⁷ с несколькими мужьями сразу. Таким образом, Сатти оставался в первую очередь привилегией высших каст. В тех кругах, где практиковалось многоженство, несколько жен иногда вместе предавались огню, пожиравшему их мужа и господина, в надежде возродиться вместе с ним после смерти. Подобные случаи имели место ещё в XIX веке, даже после 1829 года, когда лорд Уильям Бентинк, генерал-губернатор Индии, запретил Сатти, несмотря на сильные протесты местных священников.

Одной из искупительных черт этой гротескной истории о жестокости, смешанной с похищением наследства, было то, что Сатти, по крайней мере, был ограничен взрослыми. Среди высших каст было модно женить маленьких девочек почти в младенчестве на мужьях того же возраста. Дочери в Индии всегда считались бременем для своих родителей; чем скорее они будут обеспечены, тем лучше. Это порождало самые абсурдные ситуации. Если трехлетний «муж» умирал от кори или коклюша, его замужняя жена становилась вдовой в том же зрелом возрасте и оставалась таковой до конца своих дней.³⁸

³⁷ Полиандрия – многомужество.

³⁸ P. Masson-Oursel, H. de Willman-Grabowska, Philipp Stem, *Vinde antique et la civilisation indienne* (Paris 1933), p. 84. Edward Thompson, *Suttee* (London 1928).

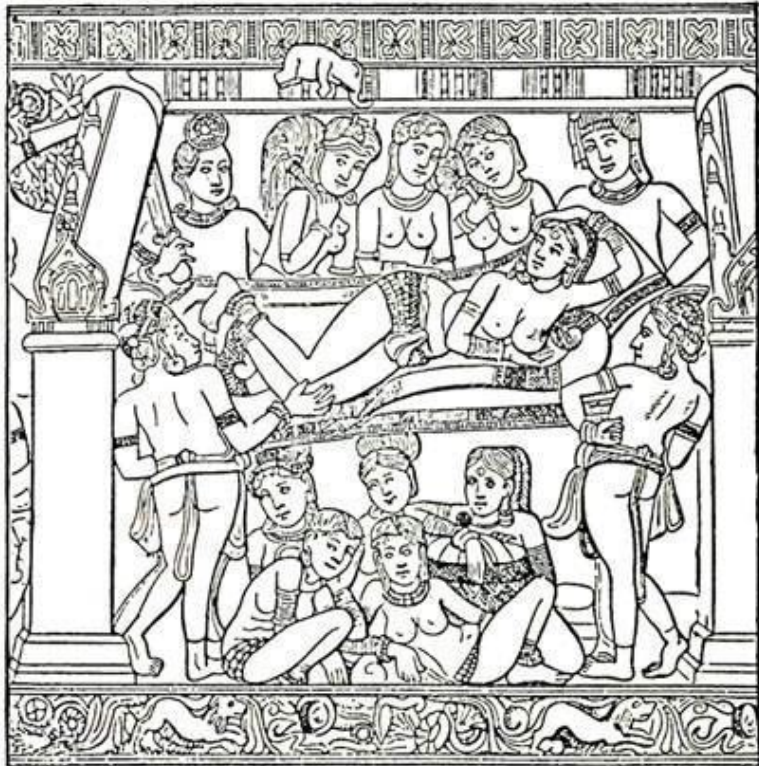
Это правда, что положение женщин менялось на разных этапах красочной истории Индии. Они порой наслаждались периодами относительной свободы, особенно под влиянием буддизма, сменявшимися периодами крайнего угнетения. При династии Гупта, в IV и V вв. н. э. – период процветания и высокого культурного развития – женщины занимают высокие административные должности, хотя это не помешало в тот же период наблюдать расширение полигамии, строгое требование безбрачия вдов и общее преобладание Сатти.³⁹ В тот период считалось позорным, чтобы жена из высшей касты пережила своего мужа.

³⁹ C. R. Majumdar, H. C. Raychandhuri, Kalinkar Datta, *An Advanced History of India*, Part I: *Ancient India* (London 1949), p. 197.

Но именно в этот век, когда женщины тысячами гибли на погребальных кострах, была написана самая знаменитая и, вероятно, самая древняя в Индии книга-молитвенник любви – Камасутра. Автор этого произведения, Малланига Ватсьяна, не был беззаботным Дон Жуаном; его репутация была репутацией исключительно мудрого и благочестивого человека, и это полностью подтверждается педантичной точностью, с которой он знакомит своих читателей с секретами эротики, Камасутра означает буквально «любовные наставления», а Ватсьяна – очень основательный учитель. Его работы не сильно отличаются по структуре от древнеиндийских трактатов по военному искусству, государственному искусству, драматическому искусству и др. Даже половой акт, несмотря на все сопутствующее ему возбуждение, является искусством, которое должно быть изучено научно, чтобы получить от него полное удовольствие. Это полная противоположность буддийской нирване: человек должен жить ради удовольствия своих чувств и наслаждаться им до конца. Примечательно, однако, что искусство любви не предназначено исключительно для того, чтобы доставлять удовольствие мужчине: женщина тоже должна получать максимум наслаждения. Ватсьяна даже утверждает, что женщина способна достичь большего наслаждения, чем мужчина, ибо отдача себя означает для нее «блаженство самосознания». Ее

роль, однако, отнюдь не пассивна: она поощряется к атакам самых различных видов, чтобы принести себе полное удовлетворение.

Индейцы – люди числа. Они любят точные числовые списки всего. Числа облегчают, а иногда и заменяют систему. В Камасутре, соответственно, все мыслимые процессы любовной жизни, как психологические, так и физиологические, перечислены в сновидении Махамайи.

Сновидение Махамайи.

Рисунок барельефа в храме Амаравади, Индия.

Есть три основных типа любовных пар – пары, которые Ватсяяна различает с помощью зоологических аналогий; женщины – Газель, Кобыла, Слониха; мужчины – Заяц, Бык

и Жеребец. Есть четыре способа, которыми мужчина, знакомясь с женщиной, может вступить с ней в физический контакт. Когда ухаживание продвинулось дальше, есть десять возможных видов поцелуев, начиная от символического поцелуя, дарованного отражению женщины в воде до самого сложного исследования языком. Техника возможного объятия рассматривается в равной степени подробно. Высшая школа Индийского эротизма различает четыре разновидности, описанные поэтическими названиями: объятия лианы, лазание по дереву, объятия кунжута с рисом и объятия молока и воды. Гениальные комбинации поцелуев и объятий дают шестьдесят четыре возможных варианта ласк, предшествующих соитию. Сам половой акт имеет множество специальных правил и вариантов. В целом, однако, следует сказать, что индийская техника любви ничего не добавляет к тому, что молодые люди в других странах узнают сами без всякого научного обучения.

Сам мудрец Ватсьяна, по-видимому, чувствовал, что его обычное учение предлагает своим читателям слишком мало. Поэтому он приложил «Тайную доктрину», рассматривая главным образом лекарства для укрепления мужской мужественности, преодоления холодности у женщин, выравнивания темпераментов или предотвращения неверности у женщин. Аптечка Камасутры чрезвычайно обширна: она колеблется от лекарств, всё ещё используемых сегодня в качестве афродизиаков, до экскрементов обезьян.

Как обычно бывает с подобной литературой, Ватस्याна утверждает, что пишет не только как ученый, но и как моралист. Вся его цель, говорит он, состоит в том, чтобы укрепить супружескую жизнь путем совершенствования ее техники и таким образом сделать мужчин более добродетельными. Как благочестивый человек, он настоятельно рекомендует любящим всегда молиться о благословении брахманов, даже в любви, но никогда не практиковать это в своем районе, а тем более в храме. Ибо религия Индии, в отличие от религии Ближнего Востока, не терпела храмовой проституции. В этом отношении индуистские священники проводили строгие различия между верой, бизнесом и сексуальной жизнью, довольствуясь извлечением прибыли из ужасов добродетельных женщин.

Глава 3

Вера в красоту

Один современный историк придумал фразу: «демократия изгнала женщину с улицы в дом»⁴⁰ абсурдно – как звучит этот афоризм применительно к современным временам – и это далеко не всегда верно даже для античности, ибо женщины были изгнаны в дом задолго до появления первых следов демократии – она обладает определенной степенью оправдания в отношении Греции, колыбели демократии. В прежние времена сексуальная жизнь греков была такой же бурной и пестрой, как и у восточных народов. Мифы о богах и героях вращаются вокруг женщин; войны ведутся ради любви и мести за неверность; никакая земная сила не кажется более сильной, чем половое влечение. Там, где, как и в Спарте, господствовали авторитарные режимы, положение женщин было, даже позже, всё ещё достойным. Но в демократических Афинах секс, похоже, отошел на второй план. Политика была исключительно делом мужчин, а женщины исчезли из общественной жизни. Даже в доме женщины больше не держали мужчин в демоническом рабстве, как на Востоке. Женщина стала настолько респектабельной и неинтересной, что греческая литература, за исключением сатиры, почти не ин-

⁴⁰ M. Rostovtzeff, *History of the Ancient World* (Oxford 1927), Vol. 1, p. 287.

тересовалась ее существованием.

Мужья, казалось, меньше интересовались своими женами, чем рабами. Картина, возникающая из современных свидетельств отношений мужей со своими женами, представляет собой не столько презрение, сколько безразличие. Сексуальная атмосфера, которая привлекает мужчин с любыми интеллектуальными интересами, – это атмосфера мира гетер и эфебов. Греческий мир в своем культурном зените предстает перед нами сегодня – вероятно, гораздо больше, чем оправдывают факты – во власти полусвета и практики педерастии.

Это правда, что более поздние эпохи видели Элладу, так сказать, через рампу. Мы обычно смотрим на греческую древность через очки поэтов и художников, которые предпочитали необычное обыкновенному. Но после того, как были приняты во внимание все преувеличения, любовь к гротеску, склонность к трагическим осложнениям, игра фантазии и воображения, остается странным и неоспоримым тот факт, что сексуальная жизнь греков классической эпохи явно и существенно отличалась от сексуальной жизни более ранних и более поздних периодов их современников в соседних странах.

Что же случилось? Что вызвало эту разницу? Неужели природа случайно создала людей с совершенно ненормальными физиологическими реакциями? Или духовное мировоззрение греков определило их сексуальную жизнь? Были

ли это религиозные идеи, которые унесли сексуальный импульс от его нормального хода вбок и вниз по кривой дорожке? Были ли причиной тому войны или экономические обстоятельства? Сам факт того, что можно выдвинуть так много особенностей, говорит о том, что слишком легко и удобно взваливать на политический институт демократии всю ответственность за низкое положение, занимаемое греческими женщинами.

Амазонки

Хотя греки всех времен населяли свой Элизиум богинями, которым они воздвигали храмы и молились в трудную минуту, они никогда легко не подчинялись женскому правлению на земле. Британский ученый нашего времени пытался доказать существование истинного матриархата в Эгейском регионе,⁴¹ но его результаты были несколько скудными. Образцом таких попыток остается легенда об амазонках, которую греки, конечно же, рассматривали не как сказку, а как эпизод своей ранней истории. Правда, Геродот утверждал, что эти воинственные женщины (о которых он вообще мало что может сказать) не были гречанками; они были разбиты греками и взяты ими в плен, но в конце концов бежали морем в Крым, где подружились со скифами. Эгейские острова

⁴¹ George Thompson, *Studies in Ancient Greek Society. The Prehistoric Aegean* (London 1948).

и Ионическое побережье, однако, сохранили более лестные воспоминания о них. Многие города приписывали свое основание амазонкам; им же приписывали и древнейший храм Артемиды в Эфесе. Они ни в коем случае не рассматривались как дикая выродившаяся орда, но как вполне цивилизованный народ с весьма презентабельными предками.

Характерно, однако, что до придания амазонкам респектабельности греки сочли необходимым полностью лишить их женственности. Будучи людьми логичными, они начали с исправления своих физических форм. Возможно, женщина и способна проехать верхом через весь мир – но сможет ли она справиться с необходимыми орудиями войны – копьем, луком и стрелами? Очевидно, нет! Следовательно, амазонки были обречены выжигать собственные груди в раннем детстве – отсюда и название (Амазонка, без груди). То, что они должны были воздерживаться от общения с мужчинами во время кампании, было ясно. Если бы, однако, Амазонки полностью скопировали свою покровительницу, целомудренную охотницу Артемиду, и остались девственницами на всю жизнь, их род вымер бы. После военной службы они должны были, соответственно, выполнить вторую службу – произвести новое поколение. Для этого им разрешалось вступать в половые сношения с мужчинами. Это не означало, что они становились домохозяйками, подчиненными своим мужьям, ибо их третьей обязанностью было заниматься общественными делами. Амазонки не просто подчинялись

своей царице, они управляли своим собственным государством. Если они должны были выполнять эту обязанность, кто-то должен был освободить их от бремени забот о детях и доме, и эта обязанность перешла к их мужьям.

Таким образом, в мире амазонок все отношения нормального мира были перевернуты (греки любили этот вид *jeu d'esprit*⁴²). В отличие от фавнов и кентавров, амазонки физически не отличались от людей. Они были человеческими существами, живут в по-разному распорядку социального мира. Греки не рассматривали государство амазонок как идеал или как государство будущего, но и не видели в нем ничего чудовищного: это был социальный эксперимент. Они представляли себе, что произойдет, если мужчины будут делать женскую работу и наоборот, и ответ показал, что такое государство амазонок. Вопрос отнюдь не рассматривается как простая пища для бурлесков в духе Аристофана: историки отнеслись к нему со всей серьезностью. Во времена императора Августа географ Диодор написал подробный перечень миграций и походов амазонок.

Было очевидно, что образ жизни амазонок, с его насильственным подавлением полового влечения в годы полового созревания, должен был порождать конфликты, и поэты описывают их. Однако это не давало никаких оснований просто отрицать, что женщины могут быть солдатами и администраторами. Всегда есть место конфликтам: человек не мо-

⁴² остроумие (*φρ.*).

жет избежать своей судьбы. Военно-политические эксперты рассуждали так: если женщины тоже будут носить оружие, то это будет нам во многом менее удобно, но государство будет сильнее. Женщины от природы – не слабый пол; их нужно только правильно переориентировать, а их физические возможности развить. Образование в Спарте ставило перед собой следующие цели: оно с самой ранней юности стремилось уменьшить, а не подчеркнуть различия между полами, чтобы мужчины и женщины могли подменять друг друга в случае необходимости.

На практике из этих усилий мало что вышло. Даже в Греции женщины брали на себя ответственность в моменты величайшей опасности при осадах или отражении вражеского нападения, но греческие армии всё ещё всегда состояли из мужчин. Греческая история, в отличие от еврейской или римской, даже не упоминает никаких национальных героинь. Женщина была призом победы, добычей войны и отдыхом воина (используя формулу Ницше). Не только за стенами Трои военачальники приводили в лагерь своих любовниц, любимых рабынь, танцовщиц и флейтисток и наслаждались с ними часами отдыха. Нижние чины вынуждены были иметь дело с дочерьми той страны, в которой они сражались.

Эстетика и секс

Однако Амазонская концепция взаимозаменяемости по-

лов лежит в основе греческой эстетики. Она не оказала решающего формирующего влияния на греческий идеал красоты, ибо этот идеал родился не в Греции, а на южных берегах Средиземного моря. Греки в основном выходцы из Ионии, рано освободившиеся от Азиатского женского типа. Тучные женщины Ближнего Востока были им не по вкусу. Плодовитость чрева может быть похвальной, но она не прекрасна. Все черты, которыми так дорожили восточные люди, – полные груди, свисающие, как гроздья винограда, большой живот, широкие бедра, преувеличенные жировые подушки ягодиц – были отталкивающими для греков. Они восхищались другой линией, менее полной и более молодой: им импонировало более легкое, более гибкое, более изящное тело.

Египетская танцовщица была их моделью. Идеалом греческих мечтаний был грациозный женский тип, выведенный Нилом, с широкими плечами, нежными грудями-бутонами, прямым, чрезмерно стройным телом, выступающим из чашечки бедер, без выпуклостей и округлостей, как полуоткрытый цветок. Этот тип стал эллинизированным на Крите, на полпути между Африкой и Европой. Развитая культура, которая процветала в Критском Кноссе в середине II тысячелетия до н. э., закрепила идеал красоты, который греки продолжали лелеять вплоть до дня Праксителя.

Половые признаки были ещё менее выражены, чем в Египте. Это был а-сексуальный тип, общий идеал челове-

ской красоты, который был обязан больше духу, чем желаниям плоти. С первого взгляда трудно сказать, являются ли танцоры, изображенные на фресках царского дворца в Кноссе, мужчинами или женщинами. Даже в архаичных скульптурах, созданных 800 лет спустя на греческом материке, пол не всегда легко отличить, если волосы или одежда не дают указаний. Независимо от того, соответствует ли надпись фигуре Гермеса или Афродиты, лицо имеет одно и то же сексуально недифференцированное выражение, тело по-мальчишески стройное, руки по-девичьи тонкие. Даже в классический период, когда искусство стремилось к величию и пафосу, сексуальный элемент нейтрализуется до точки исчезновения. Аполлон со своей лирой, облаченный в мантию Бог, ведущий хор Муз, настолько же мало похож на мужчину, как и его женский поезд, что археология должна помочь биологии.

Решающим мотивом здесь, несомненно, была не ханжество. Представления человеческого существа, или боги в человеческой форме, не целенаправленно де-сексуализированных, как в Средние века, чтобы спасти созерцателя от похотливых мыслей. Все картины древности, даже девственная Артемида и суровая Афина, по-своему сексуализированы, но это нейтральная мода, которая не стремится возбудить другой пол. Секс – это своя сфера, укоренённая в эстетике, так как эстетика, в свою очередь, не может существовать без сексуального элемента. В этой сфере нет принципиальной

разницы между мужчиной и женщиной, нет абсолютной разделительной линии, нет ничего, что привлекало бы исключительно один пол и отталкивало бы другой.

Так и в искусстве, и в природе. Они вместе образуют то, что мы называем реальностью, содержание нашей жизни. Нет никаких эстетических законов, которые действительны исключительно для произведений искусства и неприменимы к людям из плоти и крови. Даже здесь секс образует свою собственную сферу, неотделимую от эстетики. Было бы абсурдно говорить, что этот молодой человек красив, но только для девушек, или что эта девушка красива, но только для мужчин.

А привлекательность не может быть только одного пола, поэтому не может быть никакой разделительной линии между гетеро- и гомосексуальным влечением. Различие, кажущееся столь очевидным и фундаментальным для других эпох и народов, не имеет смысла для греческого ума, так как притяжение одного человека к другому основано не на различии половых органов, а скорее на тайных законах эстетики, которые несомненно существуют, несмотря на то, что наше знание о них лишь фрагментарно; она основана на наслаждении в определенных пропорциях, в ритме движения, тоне слов, в гармонии и даже в контрасте между мыслями и чувствами самых различных видов. Потребность в более близком подходе, которая рождается из этих вещей, выше секса. Объект может быть как мужским, так и женским. Она

нейтральна по своей природе, как и причина, которая ее возбудила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.